

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44
Г60

Christie Golden
STARCRAFT: DARK TEMPLAR SAGA
BOOK ONE: FIRSTBORN

Печатается с разрешения компании
Blizzard Entertainment Intertainment, Inc.

Перевод с английского — Амата Линнер
Иллюстрация на переплете — Гленн Эйн

Голден, Кристи.
Г60 Starcraft: Saga о темном тамплиере. Книга первая: Перворожденные [фантаст. роман] / Кристи Голден. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 352 с. — (Легенды Blizzard).

ISBN 978-5-17-117108-7

Талантливый, но скромный археолог Джейк Рэмзи получает шанс, который выпадает лишь раз в жизни: его нанимают для исследования недавно обнаруженного храма зел-нага. Это назначение открывает для Джейка совершенно новые карьерные возможности. Но когда Джейк находит останки давным-давно умершего протосса-мистика, надежды и чаяния археолога поглощает поток воспоминаний экзота. Связанный с духом мертвого протосса, Рэмзи становится свидетелем всей его жизни — каждого события, каждой мысли... каждого чувства.

Пытаясь удержать собственное хрупкое «я» в яростной ментальной буре, бушующей в его разуме, Джейк вскоре понимает, что открыл невероятную тайну, способную поколебать устои Вселенной.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-117108-7

© Blizzard Entertainment, 2019 г. Все права защищены.
Dark Templar Trilogy, Firstborn, StarCraft, Diablo, Warcraft и Blizzard Entertainment являются товарными знаками и/или зарегистрированными товарными знаками компании Blizzard Entertainment в США и/или других странах. Все прочие товарные знаки являются собственностью соответствующих владельцев.

*Эта книга посвящается
Марко Пальмери и Крису Метцену,
с сердечной признательностью
за их поддержку и энтузиазм,
и всем игрокам, чья поддержка
не дает сиянию StarCraft
угаснуть.*

ПРОЛОГ

Время было нелинейным. Совершенно не линейным.

Время свертывалось, сходилось в одну точку, сплетало воедино и связывало события, чувства и мгновения, а затем в танце ускользало, рассыпаясь на мерцающие, сияющие, прекрасные струны, резонанс каждой из которых в отдельности предшествовал новому погружению в стремительный поток.

Хранитель отдыхала и грезила; время оплетало ее, окутывало и протекало сквозь. Мерцание воспоминаний, подобное дрожанию прозрачных крыльшек насекомого, наполняло ее разум: слово, что разделило столетия, мысль, что изменила ход цивилизации. Те, чья интуиция, стремления, а порой и жадность со страхом, превратили, казалось бы, неизменное течение судьбы во что-то новое, свежее и до сих пор непостижимое. Мгновения, когда все оказывалось на неровном краю бездонной пропасти; когда нечто столь неосязаемое, как идея, могло бы предать все сущее забвению — или, напротив, вернуть на твердую, безопасную землю.

Каждая мысль, каждое слово, действие, каждая жизнь были лишь ничтожными каплями в безбрежном океане времени, непрерывно сливающимися и разделяющимися лишь затем, чтобы вновь слиться. Эта идея могла вызвать смятение в умах многих, кого Хранитель знала, но ее разуму судьбой предназначалось воспринимать коллизии, подобные существованию всего по отдельности и в то же время невозможности отделить сущности одну от другой. Она рождена для охвата столь ускользающих от понимания вещей.

Поверх же всех этих мыслей о словах, идеях и жизнях плавали ужасная безотлагательность и страх. Время нелинейное. Время сдвигается и изменяется. И все же в нем виднелись структуры, всплывшие на поверхность, сплетение нитей которых столь просто и прочно, что даже самые недалекие умы смогли бы понять их. Неотвратимость? Может быть, и так. А может, нет. Снова и снова структуры появлялись в бурлящих потоках времени, судьбы и удачи, сливаясь и проявляясь со столь совершенной точностью, отчего Хранитель даже содрогнулась.

Оберегаемые ею знания были бесценны: каждое воспоминание или слово, каждый звук, голос, запах, каждая эмоция и мысль. Для ее народа все это жизненно важно.

Но именно *то* знание — структура, что так часто появлялась прежде и что должна была скоро появиться вновь, — о, вот что делало Хранителя столь важной для ее народа.

Вот что делало ее незаменимой.

Она открылась тому, что приходило извне. Эта нелинейность, величие и уникальность каждой секунды

словно бросали ей вызов, заставляя закрываться и защищаться от острых осколков, плывущих по бурлящей реке времени.

Но она не могла позволить себе такую роскошь.

Особенно теперь, когда страшное знание о том, что случалось прежде, и что, без сомнений, произойдет вновь, загрязнило потоки времени в ее сознании.

Она призвала свою энергию и закричала.

ГЛАВА 1

Если Бог и существовал, то Джейкоб Джефферсон Рэмзи никогда его не видел и сильно сомневался, что он есть. А вот существование Сатаны Джейкоб Джефферсон Рэмзи сомнению не подвергал. Поскольку совершенно определенно существовал ад, имя которому было — Гелгарис.

Несколько лет назад археология считалась несовременной, но уважаемой профессией. Чем-то вроде старой энциклопедии в кожаном переплете, которую изредка открывают, смущаясь и гордясь одновременно. Конфедерация регулярно выделяла скудные гранты, и Джейк Рэмзи — несовременный, но уважаемый археолог — заслужил немалую их часть. Годами он радостно ковырялся в песке, посвистывая пробирался сквозь грязь и отпускал плоские шуточки, когда ходил в защитном скафандре там, где не было атмосферы. Он был обожжен солнцем, ветрами и пламенем. Промерзал насквозь в лютый мороз и спасался от кусачих тварей. Любые трудности Джейк встречал с жизнерадостным оптимизмом, который зачастую раздражал товарищей, но в то же время и вдохновлял — впрочем, раздражал, пожалуй, больше.

Но это место...

Джейк с командой застряли в дыре, которую Дариус Грейсон не то чтобы очень выразительно, но крайне емко охарактеризовал как «прыщ на заднице Вселенной». В течение двух лет с недостаточным финансированием, скудными поставками припасов и ограниченным терпением — которое с каждым днем приближалось к крайней отметке — тридцать два археолога и один изначально веселый, а теперь весьма угрюмый практикант работали на этой скале и до сих пор не могли похвастаться результатами.

Именно поэтому, решил Джейк, он и ненавидел это место так сильно. Именно поэтому, а вовсе не из-за сверхнизких температур ночью и адской жары днем. Именно поэтому, а вовсе не из-за микроскопических насекомых, которые умудрялись находить любую царапину на теле и прочно обосновывались там.

«Да, — сказал себе Джейк, — именно поэтому это место — ад».

Ветер, не переставая, хлестал Джейка, пока тот угрюмо брел от вездехода — функционального, но слабо защищенного транспортного средства — назад к крошечному убежищу, которое служило одновременно и жилым помещением, и центром связи. Надо было пройти всего несколько метров, но и столь короткий путь всякий раз растягивался словно на десяток километров — были на улице мороз, как сейчас, или стояла невыносимая полуденная жара. От яростного ветра походка становилась неустойчивой, покачивающейся, как у пьяного, а взгляд сквозь защитные очки неотрывно следил за убежищем, что приближалось с каждым шагом. Археологи надевали скафандры примерно за три часа до заката, когда температура па-

дала быстрее, чем боевой дух. Джейк был уверен, что костюмы неисправны. Все до единого. Потому что он мерз в любом из них. Всегда. Всего два раза в сутки случались короткие десятиминутные периоды, когда он не ощущал ни сильного холода, ни жары, и Джейк считал, что живет только в эти мгновения.

Ветер завывал, как... как что-то завывающее. Джейк устал настолько, что даже не смог подобрать сравнение. Он протянул руку в перчатке и наконец — наконец-то! — коснулся двери. Повернувшись так, чтобы по максимуму защититься от сбивающих с ног порывов ветра, Джейк попытался набрать непослушными пальцами ключ-код. Панели он не видел: окуляры (такие же неисправные, как и скафандры) заиндевели. Чертыхаясь, Джейк снял очки и, сощурившись от холода и ветра, ввел код и через мгновение захлопнул дверь, оставив очередную морозную ночь за спиной.

Яркий свет ламп, которые автоматически зажглись, как только открылась дверь, причинял боль после темноты гелгарийской ночи. Джейк на миг закрыл глаза, сбросил перчатки на пол и двинулся в теплоту убежища. Затем вновь зажмурился.

— Вот дерьмо.

Как и всегда, одна из крошечных, светящихся синих десятиножек в поисках тепла пыталась заползти к нему в глаз. Как только они выживали в таких условиях, где все прочие твари погибали? Впрочем, с этим пусть разбираются энтомологи...

Джейку потребовалось некоторое время, чтобы отыскать и раздавить насекомое мозолистыми пальцами, прежде чем он решил пройти дальше и проверить, нет ли каких сообщений. Обычно их не было.

У Рэмзи имелась парочка людей, которых он считал друзьями, но затем Мар-Сару пожрали зерги, а пришедшие следом протоссы завершили начатое. Так что он уже ничего не ждал. Однако у некоторых членов команды были родственники, которые старались поддерживать связь.

Впрочем, Джейк заметил, что чем больше проходит времени, тем меньше сообщений получают товарищи.

На ходу снимая заиндевевшую броню, он устало побрел к видеопанели — устаревшей мешанине погнутого металла, спутанных кабелей и лампочек. Пробежался ладонью по рыжевато-каштановым волосам и заметил на пальцах останки люминесцентного жука. Ладно, ничего такого, что не сорвал бы ультразвуковой очиститель — пусть и заодно со слоем-другим кожи, без которых Джейк, пожалуй, вполне обойдется.

На консоли мигал красный сигнал.

Рэмзи на мгновение прикрыл глаза, чтобы решить, реальны ли красные вспышки, или же это галлюцинация, вызванная почившей и неоплаканной десятиножкой.

Нет, лампочка осталась на месте и по-прежнему весело мигала, будто новогодняя елка в каком-нибудь районе Тарсониса. Когда Тарсонис еще существовал...

Джейка охватила тревога. В последнем сообщении говорилось о том, что мать Лесли Крейн погибла при массивной бомбардировке. Разумеется, Лесли не могла улететь, чтобы отдать последний долг или поддержать разбитого горем отца: транспортный корабль за экспедицией ожидался не ранее, чем через восемь месяцев.

Джейк глубоко вздохнул и, приготовившись к худшему, коснулся навязчиво мигающей красной кнопки.

Он удивленно вскинул бровь, когда на экране вспыхнула эмблема Доминиона. Вот только теперь — когда они проиграли все что можно и совершенно облажались — Доминион Терранов едва ли можно назвать доминирующим над чем-то. Джейк слышал, что Менгск занят восстановлением империи, так что четкая эмблема на экране свидетельствовала о том, что доминионцы «восстановились» по крайней мере до такой степени, что уже могут посылать официальные сообщения.

Но за каким чертом кому-то из Доминиона понадобилось отправлять сообщение Джейку или кому-либо из команды?

Экран мигнул, затем на нем появился молодой человек. Светлые волосы касались края высокого воротника военной формы. Стрижка — длиннее, чем положено по воинскому уставу — намекала на то, что юноша либо «косит» под военного, либо может позволить себе нарушать установленные правила. Серо-стальные глаза, изящные черты лица и сдержанность в поведении — молодой человек был настолько хорош собой, что назвать его просто красивым, язык не поворачивался. Джейк поморщился. По его мнению, любой, кто выглядит как с картинки, наверняка имеет завышенную самооценку.

«Добрый день, профессор Рэмзи, — сказал молодой человек мягким приятным голосом. — Вам может быть незнакомо мое лицо, но не мое имя. Я — Валериан Менгск, сын нашего прославленного императора Арктура».

Брови Джейка полезли на лоб. У Менгска есть сын? Он подумал о том Менгске, которого видел на голограммах. Тот не обладал столь превосходным сложением, как этот мальчик, но Джейк узнал отто-

ченные манеры и уверенность в себе. Похоже, яблоко от яблони недалеко упало. Значит, исключение из правил, а не армейский выпендрожник.

Валериан улыбнулся.

«Я уверен, вы удивились, услышав это, так как мой отец не делал публичных заявлений. Официально меня не существует... Тем не менее, уверяю вас, я вполне настоящий, и те финансы, ресурсы и возможности, которые я собираюсь предложить, не менее реальны. Полагаю, вы озадачены тем, что я связался с вами».

— Да уж, — протянул Джейк, словно он и правда разговаривал с совершенным до невозможности парнем, а вовсе не слушал записанное сообщение. — Как раз об этом я и думаю.

Дверь распахнулась, и внутрь ворвался порыв ледяного ветра. Кто-то грубо выругался, споткнувшись о брошенный Джейком костюм.

— Черт подери, Джейк, — раздался раздраженный женский голос. — Ты когда-нибудь прекратишь разбрасывать свое барахло на пороге?!

Джейк, не отрывая взгляда от видеоэкрана, поманил к себе Кендру Масса и Дариуса, которые поспешили присоединиться к просмотру.

«У нас с вами есть общее страстное увлечение», — произнес Валериан.

Кендра, которой было всего двадцать четыре и которая часто сокрушалась по поводу нехватки привлекательных мужчин на раскопках, хихикнула.

— Я бы тоже не отказалась иметь с ним общее страстное увлечение, — сказала она. — Кто этот парень, профессор?

— Валериан Менгск, — ответил Джейк. — Паренек Арктура.